

Владислав Кривонос

Самара

ПОЛЯКИ И КАЗАКИ В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ *ТАРАС БУЛЬБА*

Мнения исследователей о характере изображения поляков и польского мира в *Тарасе Бульбе* редко выходят за границы устойчивых стереотипов и клише, так что представление об антипольской направленности гоголевской повести, диктуемое сложившейся традицией истолкования соответствующих сцен и эпизодов, стало в гоголеведении *общим местом*¹. Действительно, в *Тарасе Бульбе*, как, например, и в *Страшной мести*, подобная направленность легко вычитывается, но только при определенной фокусировке зрения² и в том случае, если оставить без внимания образный строй и смысловой контекст повести.

Устойчивое представление порождает кажущееся вполне очевидным (и потому не требующим проверки анализом текста) убеждение, будто в *Тарасе Бульбе* казаки «всегда и во всем правы», а поляки «все безусловные злодеи»³. Между тем такого рода оценочно-изобразительная *схема*, вполне приложимая, скажем, к *Юрию Милославскому* Загоскина, «пронизанному полонофобским духом»⁴, для *Тараса Бульбы* как раз не характерна. Гоголь, как известно, осваивает традицию вертепного театра, где были выведены типажи польского пана и польского шляхтича, наделявшиеся «хвастливостью, тщеславием, бедностью и стремлением к показной рос-

¹ Потому и мнение, что обе редакции *Тараса Бульбы*, ранняя и поздняя, «имеют, конечно, антипольскую направленность» (М. Вайскопф: *Сюжет Гоголя*. 2-е изд., испр. и расшир. Москва 2002, с. 593), подается как констатация, не требующая доказательств.

² Благодаря такой фокусировке «из его произведений, особенно из *Страшной мести*, можно было отчетливо вычитать антипольскую ориентацию» (Ю. В. Манн: *Гоголь. Труды и дни. 1809–1845*. Москва 2004, с. 306). Имеются в виду читательские установки высокого начальства (от которого зависело, получит ли Гоголь место в Киевском университете), способного такую ориентацию не только вычитать, но и по достоинству оценить. Но подобная способность характеризует и других современных Гоголю читателей, не столь прагматичных: «Из *Тараса Бульбы* гоголевскими современниками (поляками, в первую очередь) вычитывалась антипольская тенденция. Но она далеко не совпадала с реальной жизненной позицией писателя» (Ю. В. Манн: *Гоголь...*, с. 471).

³ М. Г. Альтшуллер: *Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов*. Санкт-Петербург 1996, с. 259.

⁴ М. Г. Альтшуллер: *Эпоха Вальтера Скотта в России...*, с. 81.

коши»⁵. Подобные типажные черты приписаны и польским персонажам, появляющимся в ранних произведениях Гоголя, но в *Тарасе Бульбе* он «не лишает их ни храбрости, ни доблести», а «их патриотизму придан героический, а не комический характер»⁶.

Правда, в *Страшной мести*, где Катерину страшат «нечестивые звери ляхи»⁷ и где рассказчик описывает, как они «насмеваются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями» (I, 264), изображение поляков отличает резкая негативность, характерная для современной Гоголю русской литературы⁸, включая произведения, написанные на «малороссийском» материале⁹. Негативный стереотип поляка соответствует здесь острому конфессиональному конфликту, когда «перекрещивают козацкий народ в католиков» (I, 246). Но герой повести, Данило Бурульбаш, вину за происходящее возлагает прежде всего на казацкую верхушку: «Шляхетство все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» (I, 266).

Отношение к полякам определяет в *Страшной мести* их очевидная связь с типом «конфессионального чужака»¹⁰, окруженным в традиционной культуре отрицательными коннотациями: поляки-«латиняне» устойчиво воспри-

⁵ В. А. Розов: *Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя*. В кн.: *Памяти Н. В. Гоголя*. Киев 1911, с. 138. См. также: В. Гиппиус: *Гоголь*. В кн.: В. Зеньковский: *Н. В. Гоголь*. Санкт-Петербург 1994, с. 30. Ср.: «Поляк устойчиво представляется как чрезвычайно гордый и заносчивый. [...] Поляк на русской и украинской сцене непременно хвалится» (Л. Софронова: *Образ поляка на русской и украинской сценах XVIII в.* В кн.: *Поляки и русские в глазах друг друга*. Москва 2000, с. 248).

⁶ В. А. Розов: *Традиционные типы малорусского театра...*, с. 143.

⁷ Н. В. Гоголь: *Полное собрание сочинений в 14 т.* Т. 1. Москва–Ленинград 1940, с. 252. Далее ссылки на это издание с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами приводятся в тексте. В этой гоголевской повести поляки «приобретают демонические очертания» (В. В. Ерофеев: «Французский элемент» в творчестве Гоголя. В кн.: В. В. Ерофеев: *В лабиринте проклятых вопросов*. Москва 1990, с. 376).

⁸ См.: В. А. Хорев: *Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе*. В кн.: *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Москва, 2000, с. 101–102.

⁹ Ср. образы «дерзких ляхов» и «дерзостно надменного ляха»: К. Ф. Рылеев: *Наливайко <Отрывки из поэмы>*. В кн.: К. Ф. Рылеев: *Сочинения*. Ленинград 1987, с. 206, 207. Если и возникает «веселый и добрый польский пан, сильно поколебавший врожденное в малороссиянах предубеждение против поляков», то, как выясняется, его облик принимает переодетый в польское платье гайдамак Гаркуша, именуемый от природы «доброе сердце» (О. Сомов: *Гайдамак*. В кн.: О. Сомов: *Были и небылицы*. Москва 1984, с. 54–56).

¹⁰ Е. Левкиевская: *Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции*. В кн.: *Поляки и русские в глазах друг друга*. Москва 2000, с. 231. См. о теме противопоставления католичества и православия в *Страшной мести*: Е. Е. Дмитриева: *Гоголь и Украина (к проблеме взаимосвязи русской и украинской культур)*, «Известия РАН. Серия литературы и языка» 1994, т. 53, № 3, с. 19. Ср. также комментарий Е. Е. Дмитриевой к *Страшной мести*: Н. В. Гоголь. *Полное собрание сочинений и писем в 23 т.* Т. 1. Москва 2003, с. 826.

нимались как «нехристи»¹¹. Не случайно изображенный в повести ксендз «и с виду даже не похож на христианского попа», ведет себя нечестиво и «говорит нечестивым языком своим странные речи» (I, 265), обнаруживая причастность к сфере *нечистого*¹².

Фольклорно-мифологическая трактовка образа этнически и/или конфессионально «чужого», основанная на идее этноцентризма¹³, существенно повлияла и на позицию повествователя в *Тарасе Бульбе*, отличающуюся ярко выраженным предпочтением «своего» «чужому»¹⁴. При этом «самой логикой изображаемой эпохи, ее событий и фактов архетип “свои–чужие” неизбежно должен был преобразоваться в оппозицию “казак–лях”»¹⁵. Однако демонизация поляков, хоть и называемых Тарасом «чортовы ляхи» (II, 172), здесь отнюдь не столь очевидна, если сравнивать с первым гоголевским циклом; в *миргородской* повести изображение польского мира отличается куда большей сложностью и далеко от однозначно негативного отношения,

Повествователь обращается в *Тарасе Бульбе* к далекому прошлому (речь о героическом национальном прошлом), но трактовка им польской темы неизбежно несет в себе *современное* ее понимание и отражает те «мерки подхода к Польше и полякам», которые складываются, когда «после разделов Польши значительная ее часть оказалась в пределах России»¹⁶. Вместе с тем антипольская риторика, в большей степени, правда, свойственная героям-казакам, чем повествователю, раскрывает инерцию исторически сложившегося отношения к полякам, воспроизведенного Гоголем в *Страшной мести*.

¹¹ С. Фалькович: *Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка*. В кн.: *Поляки и русские в глазах друг друга*. Москва 2000, с. 47. Ср. в повести современника Гоголя, в которой актуализированы фольклорно-мифологические представления об иноверцах: «А и того еще хуже (с нами сила крестная), если в виде польского пана являлся тебе злой искуситель» (О. Сомов: *Русалка*. В кн.: О. Сомов: *Были и небылицы*. Москва 1984, с. 138).

¹² Ср. в *Вечере накануне Ивана Купала*: «Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто зазнается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой веры и всего человеческого рода» (I, 140).

¹³ О. В. Белова: *Свой–чужой*. В кн.: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. 2-е изд. Москва 2002, с. 426; О. В. Белова: *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. Москва 2005, с. 15. Об этноцентризме как основе этнических стереотипов см.: В. А. Хорев: *О живучести стереотипов*. В кн.: *Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. Москва 2002, с. 18.

¹⁴ Ср.: В. В. Ерофеев: «Французский элемент» в творчестве Гоголя..., с. 378. См. также: В. Ш. Кривонос: «Еврейский сюжет» в повести Гоголя «Тарас Бульба». К проблеме этноконфессиональных мифов в творчестве писателя. В кн.: *Гоголевский сборник*. Санкт-Петербург–Самара 2003, с. 57.

¹⁵ Ю. Барабаш: «Лица басурманской национальности» у Гоголя и Шевченко, «Вопросы литературы» 1999, № 3, с. 218.

¹⁶ А. В. Липатов: *Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество)*. В кн.: *Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. Москва 2002, с. 143.

Так, прибывшие в Сечь «козаки в оборванных свитках» (II, 76) разносят слух, что «ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан» (II, 77). На первый план выходит в этом *свидетельстве*, достоверность которого не подвергается слушателями сомнению, уподобление «православных» скоту¹⁷, что так оскорбляет конфессиональные чувства казаков: «Чтобы ксендзы запрягали в оглобли православных христиан! Как, чтобы попустить такие мучения на русской земле от проклятых недоверков!» (II, 78). Слух, детализируя событие и выстраивая его сюжет, провоцирует конфессиональный фанатизм казаков и побуждает их «идти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамление веры и козацкой славы, набрать добычи с городов и пушить далеко по всей степи о себе славу» (II, 80).

Изображение войны активизирует значимые для событийной динамики архаические смыслы, поскольку присущий запорожцам образ жизни непосредственно связан с мифологемой врага¹⁸, действия которого носят как прямой, так и символический характер. Тарас, для которого поляки стоят в одном ряду с «бусурменами», наставляет сыновей, чтобы те, «когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били!» (II, 45). Отношение к полякам соответствует традиционной схеме противостояния «своих» «чужим», которым мстят «за веру» (II, 123). Однако укорененное в мифологической архаике представление об исходящей от «чужих» опасности, актуальное для «того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию» (II, 44), мотивирует восприятие поляков именно как врагов. В гоголевской повести происходит трансформация демонического архетипа «в эпического врага — иноверного и инационального», каким выступают здесь «“неверные” поляки»¹⁹.

Война служит запорожцам средством испытания казацкого духа и проверки ценностей казацкого мира: «Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру!» (II, 127). Но феномен войны связан с грубым насилием и необъяснимой жестокостью по отношению к мирному польскому населению: «Пожары обхватывали деревни;

¹⁷ Ср.: «Пан-католик, живя за счет своих хлопов, не жалел их, как “схизматиков” (еретиков), выжимал из них все соки и звал их не иначе как “быдлом”, т.е. скотом» (А. Кузьмин: *Запорожская Сечь*. В кн.: *Запорожская Сечь*. Москва 2004, с. 222). У подобного представления есть и мифологические корни (черти, использующие заложных покойников вместо лошадей, как рабочий скот), в приведенном примере не вполне очевидные. См.: Д. К. Зеленин: *Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественною смертью и русалки*. Москва 1995, с. 54–56 (с ссылкой на украинский материал И. И. Манжуры). Указано А. Ф. Белоусовым.

¹⁸ См. об исторически складывавшейся топике и риторике врага: Л. Гудков: *Негативная идентичность*. Москва 2004, с. 562–565.

¹⁹ Е. М. Мелетинский: *О литературных архетипах*. Москва 1994, с. 78.

скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. [...] Дыбом воздвигнулся бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колено у выпущенных на свободу, — словом, крупною монетою отплачивали козаки прежние долги» (II, 83).

Истребительный характер религиозной войны, которую ведут казаки, обнаруживается и в уничтожении памятников «чужой» веры: «И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня» (II, 84). Католический храм воспринимается казаками как *нечистое* строение, поэтому его уничтожают, используя *очистительные* функции огня (очищая огнем *греховное* место)²⁰. Кажется, что дело идет не просто о разрушении ради разрушения, а о воодушевляющей казаков внеличной цели. Но для поляков выступление запорожцев оборачивается тотальной войной, где беспощадному уничтожению подлежат не одни лишь культовые здания: «Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: “Запорожцы!.. показались запорожцы!..” Всё, что могло спастись, спасалось» (II, 82).

И в следующем походе Тарас будет вести такую же тотальную войну, видя главным смыслом своих действий не признающую никаких ограничений месть: «Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя» (II, 169). Вину за казнь Остапа он переносит на всех поляков, включая беззащитных женщин и невинных детей.

Намеренно оскверняя сакральные места «чужой» религии и поступая с женщинами и с детьми так, как поступили бы идолопоклонники, приносящие жертвы своим *божкам*, запорожцы демонстрируют предельную бесчеловечность, которая оказывается свойством не только *полудикого века*, но и самого человека, пугающе утрачивающего божественное измерение: «Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость» (II, 166).

Для средневековых казаков с их архаическим сознанием «вражьи ляхи» (II, 169), отличаются от «своих» не только «неправильным» поведением, но

²⁰ Ср.: А. Афанасьев: *Поэтические воззрения славян на природу в 3 т.* Т. 2. Москва 1994 (репринт издания 1868 г.), с. 13–14, 22.

и приписываемым иноверцам отсутствием души²¹. Представая в облике мифологизированного врага, *лях* не случайно редуцируется до *ляшского* тела, очевидную уязвимость которого обнаруживает и обнажает война: «А ляшские тела, увязавши как попало, десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам» (II, 121). Тело, будучи знаковой формой «чужого», служит объектом агрессии, наделенным символическими значениями; таково как тело архитектурного сооружения, манифестирующего «чужую» веру, так и человеческое тело, *вражьё* или женское, тоже ненавистное для обитателей Сечи, где «не смела показываться ни одна женщина» (II, 66). Так, Тарас «заклялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына»: «Разнес бы по частям он ее пышное прекрасное тело» (II, 122).

В *Тарасе Бульбе* работает механизм мифологической архаизации инородцев/иноверцев, в основе которого лежит «мотив праведности своей веры и греховности чужой»²². Убеждая казаков продолжать войну, Тарас использует в качестве важнейшего такой аргумент, как реальная опасность для них «оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов» (II, 168). Было отмечено, что изображенный Гоголем католический мир олицетворяет собою «не столько конкретное вероучение, сколько иной тип сознания»²³. Но в том-то и суть, что ни казаки, ни поляки не озабочены догматическими тонкостями, требующими специальных богословских познаний; между тем описанный в повести острейший этноконфессиональный конфликт принципиален для средневекового отношения к вере, когда истинной почиталась только «своя» конфессия, то есть (в гоголевском случае) либо православие, которое считалось *русской* верой, либо католичество, считавшееся верой *польской*²⁴. Ср. гневную реакцию Тараса на мнение гайдука о казаках, что «вера у них такая, что никто не уважает»: «Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!» (II, 160). Примечателен и призыв Тараса к запорожцам, которых он стремится увлечь за собой: «А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!» (II, 168).

Хотя казаков, решивших идти на Дубно, и привлекают слухи, что в городе «было много казны, богатых обывателей» (II, 85), но ведут они войну не только с целью *добычи*, что вполне соответствует средневековым нравам, но чтобы ответить «за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей...» (II, 165). Они отстаивают значимые для них религиозные

²¹ Ср.: О. В. Белова: «Другие» и «чужие»: представления об этнических соседях в славянской народной культуре. В кн.: *Признаковое пространство культуры*. Москва 2002, с. 71; О. В. Белова: *Этнокультурные стереотипы...*, с. 10.

²² О. В. Белова: *Иноходец*. В кн.: *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*. 2-е изд. Москва 2002, с. 204.

²³ Е. И. Анненкова: *Католицизм в системе воззрений Н. В. Гоголя*. В кн.: *Гоголь: Материалы и исследования*. Москва 1995, с. 31.

²⁴ См.: О. В. Белова: *Этнокультурные стереотипы...*, с. 76.

ценности: «Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры» (II, 166). Правда, когда «русское духовенство» решило спасти преследуемую казацкими полками армию Потоцкого, чтобы положить предел взаимной ненависти и обоюдному насилию, то казаки «уважили свое духовенство» (II, 167), напомнившее своим поступком об универсальном характере христианской этики. Но поступок этот так и остается всего лишь эпизодом религиозной войны и не находит отклика в последующем поведении враждующих сторон.

Любопытство Андрия вызывают «земляные стены» подземного хода в Дубно, «напомнившие ему киевские пещеры»: «Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и оболщений» (II, 95). А повествователем так передана вся «гамма тонких религиозных ощущений» молящихся в монастырской церкви поляков, что позволяет раскрыть «их внутренний мир с человеческой стороны, вызывающей понимание и сочувствие»²⁵. Но вот Христа повествователь, сопереживая умирающим «за святую веру» казакам и передавая их видение мира, лишает признаков универсальности: этот *казацкий* Христос²⁶ выступает небесным патроном только запорожского войска, встречая понесшуюся на *небеса* душу похвалой, что погибший «хранил и сберегал мою церковь» (II, 141).

Православному мессианизму запорожцев не чужды средневековые понятия о *праведных* и *грешных* землях²⁷, в свете которых Польша предстает не только как «чужой», но как «перевернутый» мир, а поляк оказывается негативным антиподом казака, резко отличаясь уже своим внешним видом: «... польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнцы, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перевернутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками...» (II, 114). Ср.: «Не любили козаки богато выражаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные черновехие бараньи их шапки» (II, 115). Но «перевернутым» видится польский мир прежде всего потому, что кажется земным адом, где «гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам на показ всему народу» (II, 78).

²⁵ Ю. В. Манн: *Мотив и жанр (К своеобразию повести Гоголя «Тарас Бульба»*. В кн.: *Русская повесть как форма времени*. Томск 2002, с. 141.

²⁶ Представление о *казацком* Христе соотносимо с выражением «русский Бог», которое в первые десятилетия XIX в. породило ряд образных клише и «сделалось литературно-патриотическим штампом» (Б. М. Гаспаров: *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*. Санкт-Петербург 1999, с. 98).

²⁷ См.: Ю. М. Лотман: *О значении географических пространств в русских средневековых текстах*. В кн.: Ю. М. Лотман: *Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история*. Москва 1996, с. 239–241.

Будучи включенной в систему историософских представлений автора, Польша выступает в повести понятием не только географическим, но и мифологическим²⁸. Особое значение приобретает в *Тарасе Бульбе* восприятие казаками и поляками друг друга, в котором проявляется как опыт соседства, так и его, соседства, устойчивая мифология²⁹. Поскольку отношение к полякам служит для запорожцев еще и средством самоидентификации, то приписываемые им как негативно, так и позитивно оцениваемые качества и свойства отражают значимые особенности восприятия образов «чужой жизни»³⁰.

Так, поведение поляков по отношению к казакам характеризует подчеркнутое высокомерие: «Отдавайте, холопы, ружья да коней» (II, 116). Оно выражается не только в речевой агрессии, но и в самой позе кричавшего так полковника, который «стоял спесиво» (II, 115). Понятно, почему молодые казаки горят желанием «померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне» (II, 84). Обратной же стороной высокомерия оказывается неспособность вынести обидные насмешки: «У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот» (II, 109). С другой стороны, поляки предстают носителями культуры, отмеченной чертами элитарной исключительности, что остро ощущает и чувствует Андрий, оказавшись «там, где бывают короли, князья и всё, что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве», почему и панночку воспринимает он как «иное творенье Бога, нежели все мы» (II, 103).

Для казаков поляки представляют не просто «чужой» и враждебный, но и непонятный мир³¹. Самый уклад жизни в Сечи, где составлявшие ее курени «походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом» (II, 67), резко противоречит организации польского общества, где «власть короля» постоянно сталкивается «с дерзкою волею государственных магнатов» (II, 164). Сечевого демократии с ее коллективистскими ценностями и патерналистским устройством противостоит шляхетская демократия с ее персонализмом и анархическим индивидуализмом.

В литературе о Гоголе привычным стало мнение об искусственном характере польского сословного общества и о разъединенности поляков, усматриваемой, например, в организации войскового порядка³². Ср.: «Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, по-

²⁸ Ср. интерпретацию понятия *Европа*: Б. А. Успенский: *Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России)*. В кн.: Б. А. Успенский: *Историко-филологические очерки*. Москва 2004, с. 10.

²⁹ Ср.: О. В. Белова: *Этнокультурные стереотипы...*, с. 48.

³⁰ В. Хорев: *Имагология и изучение русско-польских литературных связей*. В кн.: *Поляки и русские в глазах друг друга*. Москва 2000, с. 24.

³¹ Ср.: Е. Левкиевская: *Конфессиональный образ поляка...*, с. 231.

³² См.: Г. А. Гуковский: *Реализм Гоголя*. Москва–Ленинград 1959, с. 165, 168; М. Вайскопф: *Сюжет Гоголя...*, с. 597.

том латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами» (II, 117). Однако Гоголь, изображая построение польского войска, верно передает рыцарский дух шляхты, питаемый как свойственным ей чувством собственного превосходства³³, так и чувством собственного достоинства, воспитанным системой шляхетской демократии³⁴.

В польской средневековой литературе возникает образ Руси как страны варваров³⁵, соответствующий традиции восприятия ее как «азиатской цивилизации»³⁶. Правда, для «иностранных графов и баронов» Польша предстает как «почти полуазиатский угол Европы» (II, 160), ее отсталая окраина³⁷. Однако принадлежность к латинскому Западу принципиально отграничивает, в глазах поляков, Польшу от ее восточных соседей. Поляки видят в казаках варваров, склонных к бессмысленным зверствам³⁸. Недаром польское население охвачено эпидемией страха перед запорожцами: «Бегущие толпы монахов, жидов, женщин вдруг омоглоудили те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городовое рушение» (II, 84). Казаки же считают себя жертвами творимого поляками насилия, а ощущение национальной и конфессиональной униженности провоцирует их ответную жестокость³⁹. Мстительное чувство Тараса объясняется и тем, что он не может смириться с участью взятых в плен казаков, «чтобы с них с живых содрали кожу или, ищетверговав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и селам...» (II, 124).

³³ См.: М. Оссовская: *Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали*. Москва 1987, с. 209, 212. Ср.: В. Хорев: *Русский европеизм и Польша*. В кн.: *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. Москва 2004, с. 46.

³⁴ См.: А. В. Липатов: *Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов?* В кн.: *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Москва 2000, с. 25.

³⁵ В. Хорев: *Русский европеизм и Польша...*, с. 43. Об устойчивости этого образа свидетельствует его последующее развитие в творчестве польских романтиков. См.: В. Мочалова: *Миф Европы у польских романтиков*. В кн.: *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. Москва 2004, с. 138–139.

³⁶ В. Щукин: *Русское западничество: Генезис — сущность — историческая роль*. Łódź 2001, с. 259.

³⁷ Ср.: В. В. Ерофеев: «Французский элемент» в творчестве Гоголя..., с. 379. См. о традиционно пренебрежительном отношении европейцев к Польше, порождавшем «в польском обществе комплекс национальной неполноценности по отношению к Западной Европе» (В. Хорев: *Русский европеизм и Польша...*, с. 42).

³⁸ В современной Гоголю польской литературе описание набегов казаков привычно обнаруживает в них диких варваров: «Толпой вломились в замок гайдамаки, / И началась жестокая резня / При отблесках кровавого пожара» (С. Гоцинский: *Каневский замок*. В кн.: *Польская романтическая поэма*. Москва 1982, с. 159, пер. С. Свяцкого).

³⁹ См. анализ комплекса «жертвы», связанного с оппозицией «свои–чужие» и однотипно проявляющегося в разные периоды истории: Л. Гудков: *Негативная идентичность...*, с. 98–99.

Если казацкий мир показан в повести под знаком мужского начала, то польский мир — под знаком начала женского⁴⁰. Полякам приписаны в повести такие типично женские свойства, как любовь к роскоши, к красивой одежде, к украшениям и т.п. В их поведении акцентирована женская способность обольщать и соблазнять: «Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы» (II, 48)⁴¹.

Вместе с тем женское начало сочетается в образах поляков с ярко выраженным мужским началом, что делает их изображение характерно двойственным и амбивалентным. Настоящие мужские качества демонстрируют польские воины: и пан хорунжий, любивший «крепкие меды и добрую пирушку» (II, 115), и «другой полковник», который, «несмотря на малое тело свое», хорошо знал «ратную науку» (II, 115), и «знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского роду рыцарь», много показавший «боярской богатырской удали» (II, 118), и «молодой полковник, живая горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия...» (II, 171). Эти и другие польские персонажи предстают в воинских сценах как «доблестные витязи»⁴².

Таким же двойственным и амбивалентным, в духе стереотипа русско-польской любви, в рамках которого любовь эта «реализуется как тема бесовского соблазна с польской стороны»⁴³, выглядит и поведение красавицы-панночки, которая «...была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство» (II, 57). Это «женщина, способная на сильное ответное чувство, отчетливо понимающая, насколько трагично ее положение»⁴⁴. Она очаровывает Андрия и губит его своей любовью, но речь идет о нерасчетливом чувстве, действительно причаровавшем сердце панночки, по ее признанию, «к чуждому, к врагу нашему» (II, 105).

В значимой для гогаевской повести теме превращения «своих» в «чужих» истории Андрия принадлежит особая роль. Янкель, побывавший в Дубно,

⁴⁰ Ср.: «Если в мире Запорожской Сечи главенствует мужское и отцовское, то за католическими стенами Дубно особым образом акцентировано начало женское» (С. В. Савинков: *Отцы и дети в «Миргороде» Н.В. Гоголя*. В кн.: С. В. Савинков: *Dramatis personae. Статьи, заметки, эссе о русской литературе*. Воронеж 1999, с. 86). См. детальный анализ мифа Дубно: В. Ш. Кривонос: *Город в повести Гоголя «Тарас Бульба»*. В кн.: *Поэтика русской литературы. К 75-летию проф. Ю. В. Манна*. Москва 2006, с. 130–154.

⁴¹ Ср. близкий ход мысли в стихотворении Хомякова *Киев* (1839), где упоминаются «сыны Вольнии» и Галича: «Их сманили, их пленили / Польши шумные пиры» (А. С. Хомяков: *Стихотворения и драмы*. 2-е изд. Ленинград 1969, с. 113).

⁴² Г. А. Гуковский: *Реализм Гоголя...*, с. 166. Ср.: И. А. Есаулов: *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя)*. Москва 1995, с. 48.

⁴³ Е. Е. Левкиевская: *Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв.* В кн.: *Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. Москва 2002, с. 194.

⁴⁴ Е. Е. Левкиевская: *Стереотип русско-польской любви...*, с. 197.

говорит Тарасу про него, что «он уж теперь совсем ихний»: «Как наибогатеиший польский пан!» (II, 112). Однако Андрий, сражающийся на стороне поляков, остается тем не менее для Тараса «своим», почему Тараса и возмущает его поведение в битве: «Своих, чортов сын, своих бьешь?..» (II, 142). Но именно по этой причине метаморфоза Андрия носит для Тараса абсолютно негативный характер.

Вообще же стремление уподобиться «чужим» выступает в *Тарасе Бульбе* симптомом опасной эрозии казацкого мира. Тарас «перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов» (II, 48). Для него признаком возможного распада единства казаков служат поступки тех, кто «гнушаются языком своим», ситуации, когда «свой с своим не хочет говорить; свой своего продает» (II, 133). Влияние Польши несет испытание этнической и конфессиональной идентичности казаков и целостности казацкого мира, сохранность которого сталкивается с угрозами культурной ассимиляции и перемены веры. Отсюда развиваемое в речах Тараса представление об исключительных качествах «русской души», о значении «товарищества» как формы объединения «своих»: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей» (II, 133). Отсюда же и стремление отомстить «за угнетенье, за унию» (II, 165), принимающее такую радикальную форму, как *война за веру*.

Между тем отношение повествователя к полякам и к польскому миру лишено оценочной однозначности. Характеризующий его позицию этноцентризм свидетельствует о выборе им определенных ценностных ориентиров, но вовсе не о готовности разделить антипольские фобии запорожцев или принять за должное архаические механизмы их действий. Повествователь отмечает, например, черты двойственного поведения запорожцев, чреватого разрушением системы значимых для них нравственных и религиозных ценностей.

Так, запорожцы не доверяют клятвенным обещаниям, которые дает им обложенный казацкими полками «польский гетьман»: «Но не такие были казаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва» (II, 167). Тем же, кто поверил, пророчит Тарас бесславную гибель: «Пропадете в сырых погребях, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!» (II, 168). Однако для самих казаков клятвы, данные врагам-иноверцам, оказываются мнимыми и недействительными. Кошевой говорит Тарасу о невозможности начать войну с султаном, потому что ему не просто обещали «мир», но поклялись «нашею верою» (II, 68). Однако новый кошевой, сместивший прежнего, соглашается с доводом, что «без войны не можно пробыть», хотя и знает, что «нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему» (II, 74). Католический прелат посылает к наступающим запорожцам «двух монахов», чтобы напомнить, «что они нарушают свою обязанность к королю, а вместе и всякое народное право» (II, 83), но

ответом ему служит охваченное пламенем аббатство. В таком поведении особым образом проявляется кризис героического мировосприятия запорожцев⁴⁵, что ставит под вопрос их способность к самостоятельному историческому существованию, перспективу их бытия в истории.

Риторика Тараса подчеркивает ориентацию на прошлое, которое предстает в легендарно-исторических декорациях: «Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князя русского рода, свои князя, а не католические недоверки» (II, 133). Она, эта ориентация, сочетается с сакрализацией чаемого будущего, где, кстати, если встать на точку зрения Тараса, для поляков с их *польской* верой, как и для других иноверцев, вообще нет места: «...чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами!» (II, 130).

Грядущая сакрализация потому становится уделом казаков, что у них, в отличие от поляков, есть легендарное прошлое и мифологизирующая его память. Повествователь, описывая приготовление казаков к битве, не случайно вспомнит о *вещем духом* бандуристе, который скажет про них «свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни народится потом, заговорит о них» (II, 132). А далее повествователь будет уже ссылаться на летописи, на страницах которых запечатлены изображаемые события: «Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы» (II, 166).

Ссылки на летописи призваны высветить обращенные к казакам вызовы истории, отнюдь не оправдывая, но объясняя *изнутри* истории свойственные их поведению свирепую жестокость и конфессиональный фанатизм⁴⁶. Примечательно, что в качестве немногих исключений «из века» повествователем отмечены не только русское духовенство, но и польский «король и многие рыцари, просветленные умом и душой» (II, 164), выступавшие против господствующей бесчеловечности. У враждующих сторон, как выясняется в ходе повествования, есть разделяемые ими общие нравственные ценности, принципиально значимые и для этической позиции автора в *Тарасе Бульбе*.

И все же не случайно полякам оставлено в повести только настоящее; ни прошлого, ни будущего у них как будто бы нет. Во всяком случае, никаких

⁴⁵ Ср.: Н. Д. Тамарченко: *Автор, герой и повествование (к соотношению «эпического» и «романного» у Гоголя)*. В кн.: *Поэтика русской литературы. К 70-летию проф. Ю. В. Манна*. Москва 2001, с. 27.

⁴⁶ Ср. анализ пушкинской философии истории, в свете которой жестокости тех или иных исторических лиц находят объяснение в «духе времени» и в господствующих нравах: И. М. Тойбин: *Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма*. Воронеж 1976, с. 211.

указаний на прошлое и будущее поляков и польского мира повествование в *Тарасе Бульбе* не содержит. Думается, что такое видение польской истории (заданное позицией автора и обусловленное эстетически⁴⁷) определено и тем, что она стала «составной частью *внутренней* истории России и связанных с ней проблем...»⁴⁸. Возможно, именно поэтому автор «уступает полякам даже счастье победы»⁴⁹.

Воссоздавая картины прошлого, каким оно видится повествователю из его современности (с определенной исторической дистанции), автор, в отличие от героев, не может не знать о современных ему событиях и не может этого знания не учитывать: восприятие и понимание этих событий включено в его индивидуальный исторический опыт и непосредственно влияет на трактовку им отношений казаков и поляков как «своих» и «чужих»⁵⁰.

Учитывая особенности этой трактовки, а также оценочное изображение поляков и польского мира, позицию автора, как она выражена в *Тарасе Бульбе*, можно, прибегая к метафоре, определить, с одной стороны, как утешение историей, которая развивается под знаком гуманности, с другой, как утешение мифом, под знаком которого воспринимается история.

Vladislav Krivonos

POLES AND COSSACKES IN GOGOL'S TALE *TARAS BULBA*

Summary

In the present paper the symbolical meanings and special features of the image of Poles and Cossacks in Gogol's tale *Taras Bulba* are considered. The analysis of this problem is very important for understanding of the author's concept. Semantics of motives playing a key role in the description of Poles and Cossacks is found out. The material of Slavic national religious beliefs important for study of the principles of mythologization of the image is involved. As a result of the analysis new fashion of the important aspects of the semantic contents of the Gogol's story are interpreted.

⁴⁷ См. характеристику авторской позиции в *Тарасе Бульбе*, важную и для нашего анализа: Н. Д. Тамарченко: *Автор, герой и повествование...*, с. 25–28.

⁴⁸ А. В. Липатов: *Польскость в русскости...*, с. 143.

⁴⁹ В. А. Розов: *Традиционные типы малорусского театра...*, с. 143. У такого сюжетного решения есть, разумеется, и другие причины, в том числе и жанровые, уже обозначенные в литературе о *Тарасе Бульбе*. Ср., например: Н. Д. Тамарченко: *Автор, герой и повествование...*, с. 27–28.

⁵⁰ Образы Польши и поляков, складывавшиеся под воздействием знаменательных исторических событий, «отразили исторический опыт русской нации на тот момент – его установки и потолок...» (В. А. Хорев: *Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши...*, с. 109). Воплощенный в *Тарасе Бульбе* индивидуальный авторский опыт, сказавшийся на характере изображения «своих» и «чужих», казаков и поляков, так или иначе вбирает в себя и исторический опыт нации, хотя не обязательно дублирует его или совпадает с ним.

Władysław Kriwonos

POLACY I KOZACY W OPOWIEŚCI GOGOLA *TARAS BULBA*

Streszczenie

Artykuł podejmuje analizę symbolicznych znaczeń obrazu Polaków i Kozaków w opowieści Nikołaja Gogola *Taras Bulba*. Kluczową rolę odgrywa tu semantyka poszczególnych motywów poświęconych opisowi Polaków i Kozaków przez Gogola. Wśród nich znajduje się problematyka związana z religiami wyznawanymi przez poszczególne słowiańskie narody. Rezultatem analizy jest nowa interpretacja najważniejszych aspektów semantyki opowieści Gogola.